

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ШАВУОТ

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри
«Шавуот: Книга Рут и хесед»: почему в день дарования
Закона читают свиток, в котором нет ни одного закона,
почему уход Элимелеха — грех, как мудрецы открыли дверь
моавитянке Рут и чего стоит Тора, сведённая к узкому
смыслу.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Шавуота

-
- 01** Свиток, в котором нет ни одного закона
 - 02** Авраам ушёл, Яков ушёл — почему осуждён Элимелех?
 - 03** Тора, данная в пустыне
 - 04** Моав: слишком мало хлеба, слишком много доброты
 - 05** Новое существо, а не отремонтированное
 - 06** Моавитянин, а не моавитянка
 - 07** Боаз, Тамар и Перец: дерзновение
 - 08** Последнее слово Танаха
 - 09** Пятидесятая ступень принадлежала сыну прозелитов
 - 10** Кто стережёт дверь?
 - 11** Почему шесть мер?
 - 12** Царь Давид не украл своё место
-

Свиток, в котором нет ни одного закона

ВВЕДЕНИЕ

Пять свитков распределены по году: Песнь песней — на Песах, Коэлет — на Суккот, Эстер — на Пурим, Эйха — 9 ава. Каждый раз связь с праздником очевидна. На Шавуот читают Рут — и здесь связь гораздо менее очевидна.

ВОПРОС

Почему в день дарования Закона читают единственную книгу, где нет ни одного закона?

ОТВЕТ

Рабби Зейра: в этом свитке нет ни чистого, ни нечистого, ни запрещённого, ни разрешённого; он написан лишь для того, чтобы научить, сколь велики те, кто творит хесед (Рут Раба 2:14).

Патент Торы — это прежде всего хесед. Когда Моше явился к Синаю, чтобы получить Тору, ангелы возразили: что делает среди нас этот сын человеческий? И Б-г придал Моше облик Авраама: как вы можете отвергать его? Он открыл вам свою дверь, когда вы пришли под видом путников, он прислуживал вам, вы ели у него — а сегодня вы возражаете против него? Это неблагодарность.

Тот, кто ищет лишь строгой справедливости, строгой галахи, не проник в глубокий смысл Торы. Наши мудрецы даже сказали об одном правиле: да, таков закон, но так его не преподают. И судья должен рассматривать каждую ситуацию, не сравнивая один случай с другим: каждый раз всё иначе.

Тора — это и мера дин, суда, это правда: для общества нужна мера справедливости. Но для отдельного человека, для жизни в общине нужна мера хеседа.

ВЫВОД РАВА

Патент Торы — это прежде всего хесед.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Все мы умеем ссылаться на правило, когда оно нам выгодно. Где в этом году мы применили правило к человеку вместо того, чтобы на него посмотреть? И кому до конца праздника нужно воздать мерой хеседа, а не мерой права?

Авраам ушёл, Яков ушёл — почему осуждён Элимелех?

ВВЕДЕНИЕ

«Во дни, когда судили судьи», то есть, говорит Рав, во времена, когда судили самих судей: нет царя, правосудие продажно, затем голод. И тогда богатый человек, чей дом мог кормить население десять лет, покидает страну и поселяется в Моаве.

ВОПРОС

Если такой же уход разрешён Аврааму и поощряется у Якова, почему он становится грехом у Элимелеха?

ОТВЕТ

«И пошёл один человек из Бейт-Лехема пожить на полях Моава» (Рут 1:1); Якову: «Не бойся сойти в Египет» (Берешит 46:3).

Есть три причины, по которым можно покинуть землю: искать жену, отправиться к учителю учиться или не суметь найти пропитание. Это разрешено. У Авраама это допустимо и даже вознаграждено; у Якова — поощряется, ведь Б-г обещает поднять его оттуда.

Но есть слово для пути в эту страну и слово для ухода из неё: подняться и спуститься. Подняться в Израиль — значит заботиться о своём возвышении; покинуть его — значит совершить ериду, спуск. Тот, кто это осознаёт, сделает всё, чтобы вернуться: его вынудил кризис, это временно. Авраам осознаёт свой спуск. Об Элимелехе же текст говорит, что они пробыли там: всё своё существование они вложили туда.

А риск, когда увозишь семью в глухой угол изгнания, — это духовная смерть: дети ищут чужих жён, семья распадается. Именно это и происходит. В первом стихе текст даже не называет его по имени — настолько он делает всё втайне: те, кто стучался в его дверь, больше его не находят.

ВЫВОД РАВА

Об Элимелехе не сказано, что он спускается: он окончательно обосновывается там.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть уходы, которые признают, и уходы, которые маскируют под обустройство. От чего мы отдалились в этом году, говоря себе, что это временно? И кто сегодня стучится в нашу дверь и больше нас там не находит?

Тора, данная в пустыне

ВВЕДЕНИЕ

Из ухода Элимелеха Рав выводит размышление о связи Торы и земли. Тору можно полностью соблюдать лишь в Израиле. И всё же она была дана не в Израиле, а в пустыне, которая никому не принадлежит.

ВОПРОС

Почему Тора, связанная с землёй, была дана в месте, которое никому не принадлежит?

ОТВЕТ

Рав: *«В других местах она лишь GPS».*

Тора полна в своём соблюдении лишь в Израиле. В других местах она лишь GPS, Waze: она указывает нам путь, напоминает нам порядок и позволяет сохранить единство народа. Исполнять мицвот вне страны — это способ отождествлять себя со своим народом, быть с ним в единении.

Но она была дана в пустыне — месте слова, месте единения существа с абсолютном. Тора связана с землёй, но она не порождение земли и не порождение условий: в этом принцип её всеобщности. Её предлагали другим народам, и они её не приняли, потому что были недостаточно готовы.

Ибо Тора требует проходить через постоянные испытания: именно в них куётся духовная идентичность человека. У Синая она пришла по мерке каждого, и каждый воспринял её по своим способностям.

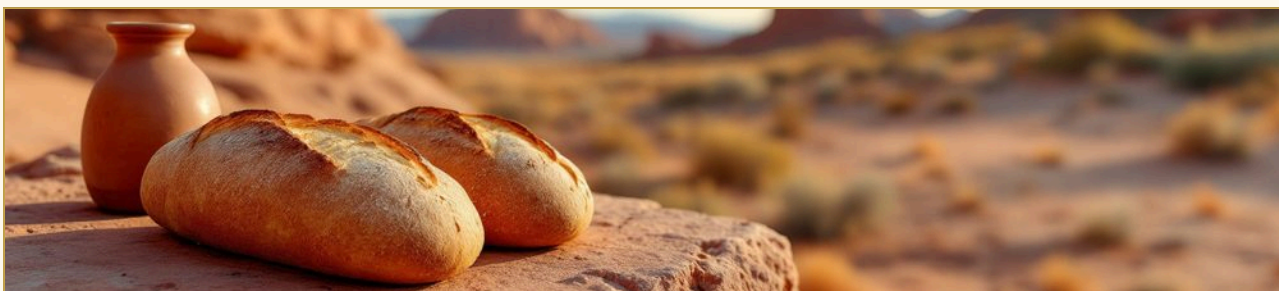
ВЫВОД РАВА

Нужен минимум — быть свободным, освобождённым, — чтобы получить доступ к учению Торы.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Где бы мы ни жили, Тора указывает нам путь. Пусть каждый скажет, что в его соблюдении — просто «GPS», сохранение связи, а что — настоящая приверженность. Какое испытание этого года что-то выковало в нас?

Моав: слишком мало хлеба, слишком много доброты

ВВЕДЕНИЕ

Тора навсегда запрещает моавитянину вступать в общину, хотя ничего подобного не постановляет для египтянина, поработившего народ. И всё же Моав родился из избытка доброты. Рут происходит оттуда.

ВОПРОС

Почему Моав исключён за отказ дать хлеб — и чем становится хесед, когда у него нет границ?

ОТВЕТ

«За то, что не встретили вас с хлебом и водой на пути, когда вы выходили из Египта» (Дварим 23:5).

Они отказались подать воду и хлеб, за которые были готовы заплатить, — накануне самого входа в Обетованную землю, когда они уже хотели преградить путь. Это анти-хесед, противоположность Аврааму, атрибут которого — хесед, любовь.

А ведь Моав происходит от Лота, который следовал за Авраамом и унаследовал его доброту. Он выбрал Сдом, где хорошо жилось, где было установлено правосудие, но где не знали ни милосердия, ни доброты: каждый должен был выкарабкиваться сам. Лот же принимает посланцев, и весь город восстаёт. Он оставался у входа в город; и всё же окружение увлекает.

Его дочери, думая, что остались одни на свете, хотят основать семью с собственным отцом: хесед без предела становится мерзостью, ибо у доброты должны быть границы. Но намерение остаётся и, очищаясь из поколения в поколение, проявляется вновь. Маасе авот симан ла-баним: дела отцов отмечают детей.

ВЫВОД РАВА

Никакой поступок, добрый сам по себе, не пропадёт совсем: однажды он найдёт, к чему привиться.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

То, что мы себе позволяем, даже втайне, отмечает наших детей; но доброе дело никогда не пропадает. Какой поступок наших дедов и бабушек до сих пор приносит у нас плоды? И какая доброта у нас нуждается в границах?

Новое существо, а не отремонтированное

ВВЕДЕНИЕ

Когда недостаёт доброты, говорит Рав, вступает милосердие, рахамим. Слово происходит от рехем, утроба. Речь уже не о том, чтобы исправлять: нужно создать заново. И этот опыт лишь один персонаж рассказа мог пережить в полной мере.

ВОПРОС

Почему прозелит считается новорождённым — и почему пережить это должна была чужестранка?

ОТВЕТ

Рав: «Обновление — это не подправлять старое».

Когда недостаёт меры хеседа, вступает мера рахамим: нужно переделать, нужно заново создать человека. Обновление — это не реставрировать и снова реставрировать; это заново создать существо. Поэтому гер, прозелит, согласившийся войти в еврейский народ, считается так, будто только что родился.

Этот опыт по-настоящему мог пережить лишь человек, чуждый еврейскому народу: Рут, мать мессианского царства. И вот редкость: когда умирают их мужья, эти две невестки, принцессы, дочери моавитских царей, остаются привязанными к своей свекрови.

Наоми, на краю пропасти, покинутая, сознаёт, что спустилась в изгнание, и считает своим долгом вернуться к своей колыбели. Если она удостоилась Рут, значит, она была мягкой, приятной в своих поступках, в своём поведении, в своём обращении.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть перемены, которые совершаются не подправками, а согласием родиться заново. Знали ли мы такой момент? И вызывает ли наш образ жизни — подобно мягкости Наоми — у других желание следовать за нами?

Моавитянин, а не моавитянка

ВВЕДЕНИЕ

Тора закрывает дверь общины «аммонитянину и моавитянину». Как же тогда моавитянка Рут могла выйти замуж за Боаза и стать прародительницей Давида? Наши мудрецы прочли стих с точностью, которая всё изменила.

ВОПРОС

Как мудрецы смогли открыть дверь, которую Тора, казалось, закрыла «навсегда»?

ОТВЕТ

«Аммони — ве-ло аммонит; Моави — ве-ло моавит»: аммонитянин, а не аммонитянка; моавитянин, а не моавитянка (Талмуд).

Наши мудрецы постановили: речь идёт о мужчине, а не о женщине. Мужчина не сможет войти в общину Израиля, но в женском роде дверь можно открыть. Как они это себе позволили?

Есть прецедент. Тора запрещает мамзеру доступ в народ «навсегда»: он может быть великим мудрецом, но не может создать семью по правилам. И всё же наши мудрецы открыли и здесь запасную дверь, дверь очищения, фильтр: когда происхождение рассеялось, растворилось, не восходят к самым истокам, чтобы проверить сомнение.

Таково второе послание, которое Тора передаёт через Рут: открытость Торы миру хеседа. И заметим, что эту историю всегда направляет женское начало: Сара, Ривка, Рахель и Лея, повитухи в Египте.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Правило можно прочесть так, чтобы закрыть, или так, чтобы открыть, — не предав его. Есть ли в нашей семье «правило», которое мы применяем самым закрытым образом? Что дало бы более внимательное, более точное прочтение?

Боаз, Тamar и Перец: дерзновение

ВВЕДЕНИЕ

Боаз несёт дерзновение в своём имени: бо оз, в нём сила. Он не из тех, говорит Рав, кто держится за букву закона «как овечка». И это дерзновение пришло к нему издалека: он происходит от Перца, сына Тamar.

ВОПРОС

Что Боаз унаследовал от Тamar — и почему рождение вне правил ведёт к мессианской линии?

ОТВЕТ

«Чья это девица?» (Рут 2:5); Йехуда: «Она правее меня» (Берешит 38:26).

Рут заранее знала, что её не примут; нужно оценить, чем был для неё вход на поле Боаза и сколько времени ей на это понадобилось. Боаз, человек почтенный, задаёт вопрос: чья это девица? И этот вопрос пробивает брешь.

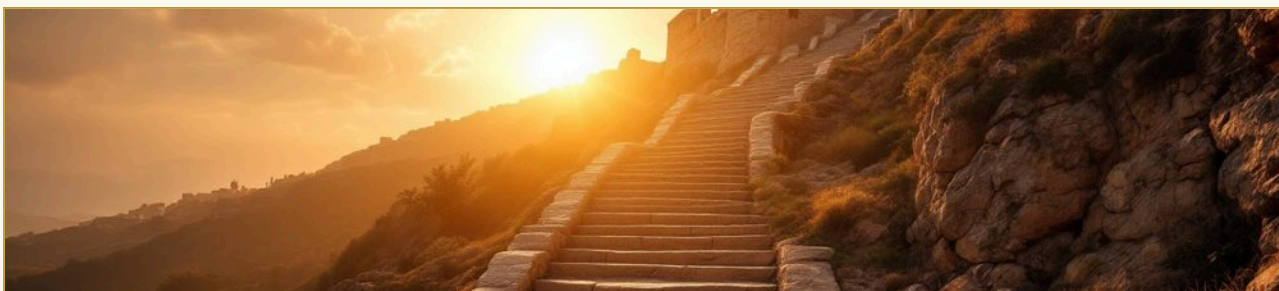
Боаз происходит от Перца, сына Тamar. В то время семья была священна: когда человек умирал бездетным, ему нужно было дать имя в семье. Тamar дважды потерпела неудачу, и Йехуда отказывается дать ей своего третьего сына. Но она так привязана к этой семье, что переодевается, чтобы соединиться с ним, и от этого рождается Перец.

Йехуда признаёт, что она была права и что её намерение было чистым. Постепенно ребёнок обретает своё место в роду — и это место мессианской линии. Боаз уже несёт в себе этот дух.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Боаз начал не с закона, а с вопроса: «Чья это девица?» Кто вокруг нас просто ждёт, чтобы кто-нибудь заинтересовался его историей? Какой вопрос мы могли бы задать на этой неделе, чтобы «пробить брешь»?

Последнее слово Танаха

ВВЕДЕНИЕ

Танах завершается удивительным словом: ве-яаль, «и пусть поднимется». Для Рава это последнее слово говорит всё о замысле Торы — и объясняет, почему был разрушен Храм.

ВОПРОС

Почему Тора, сведённая к самому узкому смыслу, «не имеет никакого смысла существования»?

ОТВЕТ

«...Г-сподь, Б-г его, с ним, и пусть поднимется» (Диврей а-ямим II 36:23).

Всё определяет цель. Когда закончен Танах, нужно ещё совершить восхождение существа: так входят в этот мир бесконечного. Тора без своего мессианского измерения, без национального, без социального, без универсального измерения не имеет никакого смысла существования.

Почему был разрушен Храм? Потому что старались воспринимать Тору лишь в её ограничительном смысле, а не в самом щедром, самом широком — в смысле Торы хеседа.

Чтение Рут — это мир, чуждый народу, который постепенно обращается. То, что еврейский народ совершил коллективно у Синая, совершается по одному среди других народов. И без этого измерения внешнего мира никакой мессианской эпохи быть не может.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Чем было бы наше еврейство, сведённое к «разрешённому и запрещённому»? Пусть каждый скажет, что в его соблюдении относится к национальному, социальному или универсальному измерению. Какого из этих измерений нам больше всего не хватает?

Пятидесятая ступень принадлежала сыну прозелитов

ВВЕДЕНИЕ

Учат, что Моше, получивший Тору, достиг лишь сорока девяти ступеней знания. Рабби Акива достиг пятидесятой. Когда Моше слышит в небесном доме учения, как рабби Акива объясняет венцы над каждой буквой, он ничего не понимает.

ВОПРОС

Чего мог достичь потомок прозелитов, чего не достиг тот, кто получил Тору из рук Б-га?

ОТВЕТ

Моше в доме учения рабби Акивы (Менахот 29б).

Рабби Акива был сыном прозелитов; он пришёл из чужого мира. Пятидесятая ступень — это именно это измерение, измерение всеобщности. Моше же родился от Амрама и Йохевед; он вырос в египетском дворце, но не соприкасался со всеми культурами.

Б-г избрал достоинство и особенность каждого народа из семидесяти народов, составляющих позвоночник человечества, и вложил их в нас. Поэтому мы — прототип Адама, и эту всеобщность первого человека нужно сохранить. Это не значит, что другие ничего не стоят: это неверно. В каждом плоде есть скорлупа, порой толстая, но внутри есть плод, который может дополнить палитру вкусов.

В храмовые воскурения входил компонент, хелбена, который, сожжённый отдельно, дурно пах; смешанный с другими, он усиливал аромат. Таков человек, пришедший извне: придя с тем, что у него было, он усвоил ценности Торы и придал им ещё больше плоти.

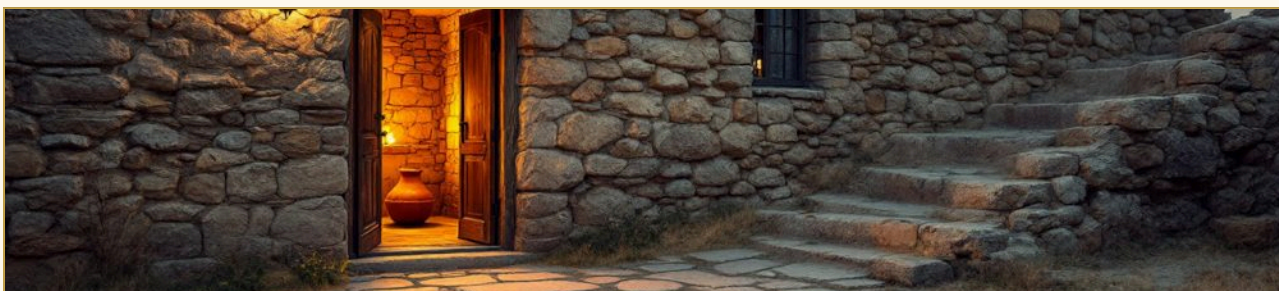
ВЫВОД РАВА

Пятидесятая ступень — это чужое измерение, измерение всеобщности.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы с подозрением относимся к тому, что приходит извне, и называем это верностью. Какую часть того, что мы знаем сегодня, принёс нам кто-то, кто не был «из наших»? Кого мы отстранили, потому что он «слишком сильно пах», хотя его недоставало в смеси?

Кто стережёт дверь?

ВВЕДЕНИЕ

Один из слушателей тревожится: если открыть Тору для вклада извне, кто будет фильтровать? Не дверь ли это, открытая для всего? Ответ Рава переносит вопрос с учреждения на учителя.

ВОПРОС

По чему узнают того, кто должен решать — открыть дверь или закрыть?

ОТВЕТ

«Люби ближнего своего, как самого себя» — рабби Акива: это великое правило Торы.

Сегодня разные инстанции спорят за исключительное право на гиюр, и никто не может гарантировать, что кандидат не вернётся к прежним обычаям. Тора не дала нам законов учреждения по гиюру; а жертва, которую приносил кандидат, отменена. Рав признаёт, что у инстанций есть сила закона; но он предлагает критерий.

Когда рабби Акива говорит, что любовь к ближнему — великое правило Торы, он говорит нам: хочешь судить об учителе Торы? Суди о любви, которую он питает к ближнему. Если он ищет любой способ решить его проблемы, чтобы приблизить его, принять, помочь ему продвинуться, — он великий в Торе.

Противоположный пример — та женщина, которая хотела пройти гиюр в доме Авраама и которую оттолкнули: это обернулось против нас. Пока можно оставлять дверь открытой, чтобы человек мог пробовать понемногу, её нужно держать открытой.

ВЫВОД РАВА

Закрывать дверь легко.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Закрывать дверь легко; держать её открытой — труд. Кому мы затруднили доступ — к нашему столу, к нашей общине, к нашей семье? Что нужно, чтобы он мог «пробовать понемногу»?

Почему шесть мер?

ВВЕДЕНИЕ

Боаз приходит на свои поля не для того, чтобы надзирать за работниками, а чтобы проверить нечто иное. Он приветствует их именем Б-га. Потом, отпуская Рут, он даёт ей шесть мер ячменя для её свекрови. Шесть — это не подарок: это горсть.

ВОПРОС

Что можно сделать с шестью колосьями — и почему именно этот счёт для чужестранки, пришедшей подбирать колосья?

ОТВЕТ

«И выдёргивайте для неё колосья из снопов» (Рут 2:16); «и отмерил шесть мер ячменя и возложил на неё» (Рут 3:15).

Боаз — хозяин, который считает своих работников настоящими компаньонами и уважает их. Если он приходит присмотреть за своими землями, то не затем, чтобы убедиться, что каждый делает свою работу: в этом он уверен. Его единственная забота — чтобы scrupulously соблюдались законы о колосках, забытом снопе, крае поля, оставленном бедным. Всё, что вы делаете, — делаете ли вы с уважением к тому, что причитается бедному, вдове и сироте?

И когда он видит, с какой скромностью эта женщина собирает колосья, он говорит работникам: сделайте вид, что забыли, роняйте снопы, чтобы она могла их подобрать. Где вы найдёте таких хозяев? Один слушатель вспоминает обычай Касабланки: остатки не предлагали домашней помощнице — ей говорили забрать их для своих детей.

А что до шести: если ты осмелилась прийти сюда, если ты оставила своё царское положение, чтобы собирать колоски, у тебя будет мессианское потомство, которое будет отличаться шестью качествами. Боаз не был пророком; он нёс это в своей мысли.

ВЫВОД РАВА

Это была душа человека, который верит в другого и разделяет с ним свои устремления.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Когда мы проверяем, мы почти всегда проверяем свои интересы. Что проверил бы каждый, если бы ему нужно было проверять лишь долю других? Кому в этом году мы дали «как бы по забывчивости», чтобы избавить его от стыда просить?

Царь Давид не украл своё место

ВВЕДЕНИЕ

Шавуот — день рождения и смерти Давида. Наши мудрецы мало интересуются годовщинами; если они пожелали почтить Давида в этот день, то потому, что Давид всю жизнь задавался вопросом о своём происхождении: «Чужим стал я братьям моим, чужим сыновьям матери моей».

ВОПРОС

Почему тот, кто воплощает царство Израиля, называет себя чужим в собственном доме?

ОТВЕТ

«Чужим стал я для братьев моих и незнакомцем для сыновей матери моей» (Теилим 69:9).

Мидраш рассказывает, что Ишай, отец Давида, отдалился от своей жены и предложил служанке выйти за него. Служанка пошла к своей госпоже; законная жена незаметно заняла её место. Ишай до конца верил, что ребёнок от служанки: так родился Давид — в тени мнимого греха.

Отец держал его немного в стороне, думая, что он не от него; он не был похож на братьев, которые поручали ему самую неблагодарную работу. Когда приходит Шмуэль, Ишай показывает ему шестерых сыновей, и ни один не отвечает воле Б-га. Нет ли ещё детей? Есть один, которого я отверг. Приведи его. И именно его нужно помазать на царство.

Давид тоже прошёл через извилины этого пересоздания существа, и оно послужило всему народу. Ибо Тора — не факультативная религия, которую изучают по желанию: это сама суть нашей идентичности.

ВЫВОД РАВА

Израиль — народ лишь благодаря своей Торе.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Во многих семьях есть ребёнок, которому поручают неблагодарную работу или о котором судили неверно. Кого у нас отстранили по так и не проверенному подозрению? Что бы мы сделали, если бы этим вечером вошёл пророк и спросил, не остался ли ещё кто-нибудь?